Долгоруков

НАЦ. ПОЛИТИКА

и партия

НАР. СВОБОДЫ

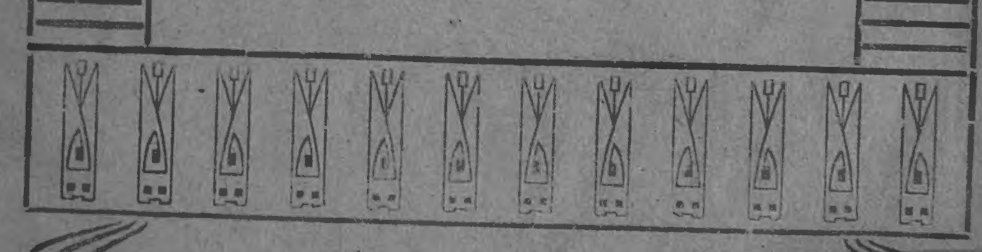
Національная Политика

и

Партія Народной Свободы.

(Екатеринодаръ 1918—19 г.)
„Свободная Рѣчь“.

Ростовъ на Дону,
1919 г.

Кн. Пав. Д. Долгоруковъ.

X

Національная политика
и партія Народной Свободы

(*Екатеринодаръ 1918—19 г.*)
„Свободная Рѣчь“.

РОСТОВЪ Н-Д
1919 Г.

Обстоятельства мѣста, времени и образа дѣйствія.

„Мы всѣ учились по немногу“ и... немногому научились. Мы всѣ учились, что существуютъ обстоятельства мѣста, времени и образа дѣйствія. Но и послѣ жесточайшихъ уроковъ послѣдняго времени эти обстоятельства плохо учитываются не только обывателями, но и многими „реальными“ политическими дѣятелями.

Лишь въ августѣ Добровольческая Армія отбила отъ большевиковъ Екатеринодаръ. Вблизи Екатеринодара и теперь пополняются и формируются боевыя части. Екатеринодаръ является для всей Добровольческой Арміи близкимъ тыломъ. Возможно ли поэтому сейчасъ-же стремиться установить здѣсь и во всей Кубанской области, нѣкоторыя границы которой представляютъ изъ себя боевую линію, полную общественность и коллегіально-выборный административно-законодательный аппаратъ, не подчиненный военной власти?

Теперь первая и главнѣйшая задача Кубани, какъ и всей Россіи,—подавленіе большевизма военной силой. Во всякой войнѣ чисто военныя задачи переплетаются съ политическими; тѣмъ болѣе въ войнѣ междоусобной, ведущейся для установленія государственной власти въ странѣ. Добровольческая Армія ведетъ войну для возсозданія государственности не только на Кубани, но и во всей Россіи. Изъ—за тѣсной связи политическихъ вопросовъ съ чисто военными и изъ за преобладанія задачи побѣды враговъ надъ всѣми остальными задачами, при элементарномъ требованіи—единаго стратегическаго фронта и единаго командованія всѣ элементы общественнаго и административнаго аппарата должны быть подчинены этой единой военной власти. Безъ упрощенной схемы управленія по обстоятельствамъ времени и мѣста не можетъ быть и твердой военной силы и прочнаго стратегическаго фронта. Самарскіе и Уфимскіе административно-политическіе опыты и ослабленіе въ зависимости отъ нихъ восточнаго фронта являются нагляднымъ тому доказательствомъ. Мы не можемъ болѣе позволить себѣ роскоши подобныхъ экспериментовъ. Чтобъ создать въ Россіи государственность, надо создать здоровые зачатки ея и во всѣхъ ячейкахъ по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ. Изъ государственно возрожденныхъ ячеекъ создается и государственное тѣло Россіи, такъ какъ нельзя же ожидать для приступа къ творческой работѣ оздоровленія центра, когда онъ представляетъ изъ себя пустое мѣсто, или, еще хуже при длительности тамъ отрицательной государственности. Надо привѣтствовать активную строительную дѣятельность на мѣстахъ и какъ залогъ неизбѣжной въ будущемъ деценрализаціи управленія. Но **пока** въ виду вышеприведенныхъ обстоятельствъ всѣ мѣстные органы должны быть въ полномъ подчиненіи военной власти, чтобъ ее не подтачивать и не разлагать, какъ это было въ Заволжьѣ.

Извѣстно, что младенцы одинаково протягиваютъ руки и къ близкимъ и къ отдаленнымъ предметамъ, желая ихъ схватить. Жизнь ихъ еще не научила перспективѣ. Крупные предметы вдалекѣ имъ кажутся маленькими близкими предметами, легко достижимыми. Они не понимаютъ, что надо затратить много времени на преодолѣніе пространства, чтобъ дойти до этихъ предметовъ. И политическая перспектива не дается многимъ взрослымъ „младенцамъ“ и они не учитываютъ обстоятельствъ времени. Имъ также рисуются въ одной пло-

скости ихъ политическіе идеалы, какъ сразу легко достижимые, до которыхъ рукой подать, а потому они сразу за нихъ и хватаются, но ничего не ухватываютъ. Они не научились раздѣлять свои политическія устремленія на первоочередныя и второочередныя.

Вопросы федераціи или автономіи, монархіи или республики безспорно вопросы первостепенной государственной важности и въ то же время они могутъ быть, а иногда и должны быть второочередными. Первостепенный и первоочередной—различныя понятія. Обстоятельства переживаемаго времени заставляютъ отнести эти вопросы на вторую очередь, чтобъ не осложнить первоочередной задачи—подавленія большевизма и возсозданія единой Россіи,

Будучи придавлены и распылены по лону растерзанной родины, мы должны искать точекъ соприкосновенія, а не расхожденія. А между тѣмъ всякіе програмные, а не тактическіе вопросы неизбѣжно порoдятъ разногласіе не только среди широкихъ слоевъ населенія, но и среди членовъ одной политической партіи. Потому такіе вопросы, какъ монархія или республика въ будущей Россіи, федерація или автономія областей, хотя и могутъ быть предметомъ обсужденія въ нѣдрахъ партій и въ политической литературѣ, но ломать копья изъ за нихъ преждевременно, такъ какъ при всей своей важности они не представляютъ изъ себя въ ближайшемъ времени предмета реальной политики. А остріе непритупленныхъ копій должно быть направлено всѣми нами въ одну сторону. Лишенъ поэтому понятія о перспективѣ тотъ политическій дѣятель, который, хватаясь за далекую еще монархію или республику, старается навязать свои нереальные для даннаго момента лозунги наиболѣе теперь реальной въ Россіи политической силѣ,—силѣ военной.

Къ нашему счастью высшее командованіе Добровольческой Арміи мудро отстраняетъ отъ нея вопросы о будущемъ государственномъ строѣ Россіи, какъ и вопросъ о самомъ способѣ ихъ рѣшенія. Не дай Богъ, чтобъ вопреки идеѣ народоправства такіе вопросы предрѣшались командным составомъ арміи. Задачи момента—подавленіе большевизма и установленіе элементарной безопасности и возможности существованія въ Россіи. До какихъ либо выборовъ и до привлеченія народа къ рѣшенію всероссійскихъ вопросовъ еще очень далеко, какъ долеко еще и до Москвы и Петрограда. Къ моменту рѣшенія коренныхъ вопросовъ государственнаго строя въ Россіи равнодѣйствующая силъ и теченій въ народѣ пройдетъ можетъ быть совсѣмъ иначе, чѣмъ это рисуется теперь тѣмъ или другимъ политическимъ группамъ, желающимъ навязать арміи признаніе своихъ партійныхъ лозунговъ и даже торжественное провозглашеніе ихъ. Къ тому же не близкому еще времени должны опредѣлиться не только политическія теченія внутри страны, но опредѣлятся и міровыя теченія, которыя не останутся безъ вліянія и на судьбы отдѣльныхъ народовъ.

Какой-же образъ дѣйствій вытекаетъ изъ современныхъ обстоятельствъ въ ближайшемъ времени? Какъ ни запутано, какъ ни трагично положеніе растерзанной Россіи, лозунги, долженствующіе объединить все государственно мыслящее и настроенное въ странѣ, чрезвычайно просты и ясны именно вслѣдствіе преобладанія теперь одной общей національной задачи надъ всѣми програмными вопросами. Когда вся страна, вся нація на краю гибели, политика должна быть прежде всего *національной*. Всѣ русскіе граждане должны объединиться на лозунгахъ провозглашенныхъ Главнокомандующимъ эпической Добровольческой Арміей въ его глубоко государственной рѣчи въ Кубанской Краевой Радѣ и нашедшимъ правильную и точную формулировку пробуждающагося во всѣхъ концахъ Россіи національнаго самосознанія и сознанія первоочередныхъ національныхъ задачъ. Задачи эти—побѣда

надъ большевизмомъ или анархо-соціализмомъ и возсозданіе единой великой Россіи; средство къ этому—единое командованіе для борьбы съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, а въ тылу—упрощенная схема управленія при полномъ его подчиненіи этому командованію и непрерывная, нерушимая вѣрность союзническимъ договорамъ.

Пока Добровольческая Армія ставитъ себѣ эти національныя задачи и будетъ прибѣгать къ этимъ средствамъ, долгъ всѣхъ государственно и патріотически настроенныхъ гражданъ широкимъ междупартійнымъ фронтомъ подкрѣпить ее и облегчить ея дѣятельность всѣми средствами, какъ матеріальной помощью, такъ и личной работой.

Таковы теперь задачи русскаго общества и народа. Именно такія національныя надпартійныя заданія ставитъ себѣ въ частности и партія Народной Свободы. Объ этомъ я буду говорить въ слѣдующихъ стастьяхъ. (Екатеринодаръ, 2 дек. 1918 г.)

Національная политика партіи Народной Свободы до большевизма.

Когда нужна національная, надпартійная политика, не хотѣлось бы говорить о политикѣ партіи. Но чтобы партія претендовала на авторитетность въ настоящій грозный для націи моментъ, надо, чтобъ она была національной уже раньше, до тѣхъ государственныхъ потрясеній, послѣ которыхъ національное пробужденіе силою вещей сообщается и многимъ обывателямъ, хотя бы изъ за чувства самосохраненія.

Партію народной свободы часто обвиняли именно въ не-національности ея политики. Близорукіе или пристрастные критики справа говорили, что мы космополитичны, что мы—не русская партія, вслѣдствіе исповѣдуемаго нами равноправія національностей. Говорили, что мы ведемъ къ распаду государства изъ-за допущенія нами областной автономіи. При провозглашеніи нами автономіи Польши А. И. Гучковъ, не признававшій ея, откололъ отъ насъ октябристовъ. События показали, насколько наша политика была умѣрена въ этомъ отношеніи. Она была именно національной, такъ какъ мы считали, что великому государству и великому народу приличествуетъ большая политика (grande politique), безъ царившихъ до послѣдняго времени централизаціи, крупныхъ притѣсненій и мелкихъ національныхъ ущемленій.

Наша національная политика стремилась къ мощи государства и къ величію русской націи. Разумѣется, успѣху большевизма и распаду государства способствовали главнымъ образомъ некультурность и несознательность населенія и продолжительная, жестокая и несчастная война, этотъ великій, безразсудный грѣхъ человѣчества, подрывающій общечеловѣческіе принципы и обезцѣнивающій человѣческую жизнь. Но, можетъ быть, распадъ государства не совершился бы такъ легко и стремительно, если бы долгими годами у насъ не проводилась безразсудная націоналистическая, отнюдь не національная политика и еслибъ у насъ не боялись смѣлыхъ соціальныхъ реформъ для смягченія классоваго и племенного антагонизма, создавшаго такую благопріятную почву для пышнаго разсцвѣта анархо-соціализма.

Критикамъ партіи народной свободы показалось, что кадеты стали національны, „исправились" лишь въ августѣ 1914 года, когда по настоянію Московскаго Отдѣленія Центральнаго Комитета наша партія, первая изъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій, призвала все русское общество и народъ сплотиться вокругъ прави-

тельства, къ которому она была въ оппозиціи, для обороны страны, для защиты ея цѣлости и достоинства.

На самомъ же дѣлѣ партія народной свободы и въ этотъ моментъ осталась лишь вѣрна себѣ, такъ какъ всегда, какъ партія государственная, она стремилась къ укрѣпленію мощи и цѣлости государства. Лишь вызванная грознымъ моментомъ резолюція партіи, призывавшая къ національному объединенію, открыла глаза нечуткимъ нашимъ критикамъ. Имъ требовалось нѣчто осязательное, декларативное, чтобы познать истинную природу нашей партіи Многочисленныя добровольческія жертвы на фронтѣ, принесенныя членами партіи, работа въ тылу и на фронтѣ (между прочимъ основаніе и руководство Земскимъ и Городскимъ союзами), показали, что партія претворила свою резолюцію въ дѣйствіе.

Наступилъ 1917 годъ. Въ тискахъ невозможно трудныхъ, роковыхъ обстоятельствъ активно выступавшая партія народной свободы, можетъ быть, и допустила ошибки. Но нельзя не согласиться съ Асквитомъ, что нѣтъ такой большой политической партіи, которая не имѣла бы въ своемъ прошломъ ошибокъ и что ихъ слѣдуетъ признавать и учитывать, но не чрезмѣрно ими смущаться. Во всякомъ случаѣ, я лично безусловно признаю, что въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ партіи при осуществленіи власти, какъ въ составѣ Временнаго Правительства, такъ и на мѣстахъ, были существенные промахи. Но при какихъ обстоятельствахъ приходилось тогда работать!

При частыхъ смѣнахъ министерствъ партія неизмѣнно посылала въ правительство своихъ представителей, часто даже противъ своей воли шедшихъ въ министерство, какъ на Голгофу, подчиняясь партійной дисциплинѣ, такъ какъ партія не считала возможнымъ въ такой моментъ уклоняться отъ государственнаго дѣла и не нести своей доли отвѣтственности.

Екатеринодаръ 15 дек. 1918 г.

Московское сидѣніе.

Послѣ большевисткаго переворота партія съ самаго начала непрерывно руководствовалась тѣми же національными лозунгами, во имя которыхъ создалась и боролась Добровольческая Армія, и которые были формулированы ген. Деникинымъ въ его рѣчи въ Кубанской Радѣ, а именно—*борьба съ большевизмомъ для возсозданія государственности въ единой Россіи и вѣрность союзникамъ.* Что мы были опаснѣйшими противниками большевиковъ,—явствуетъ изъ ихъ собственнаго признанія. 28 ноября прошлаго года съ Ф. Ф. Кокошкинымъ и А. И. Шингаревымъ я очутился вмѣсто Таврическаго Дворца, куда мы были посланы, какъ члены Учредительнаго Собранія, въ Смольномъ и поздно ночью, какъ мотивъ нашего ареста, намъ былъ предъявленъ только что испеченный Совнаркомомъ декретъ о признаніи членовъ партіи народной свободы „внѣ закона" и „врагами народа". Не знаю, удостоилась ли впослѣдствіи такой чести и такого признанія ея значенія какая-либо другая политическая партія. На основаніи этого декрета, относившагося къ цѣлой партіи, а не лично къ арестованнымъ, мы были заточены въ Петропавловскую крѣпость.

Черезъ два съ половиной мѣсяца, въ февралѣ этого года, изъ крѣпости я вернулся въ Москву, увы, уже одинъ. Безъ меня Центральный Комитетъ партіи уже успѣлъ высказаться по поводу Брестскаго договора за нерушимую вѣрность союзникамъ. Въ мартѣ въ Центральномъ Комитетѣ партіи стало называться имя ген. Алексѣева, какъ долженствующаго объединить командованіе противобольшевист-

скими силами, а въ срединѣ лѣта идея эта была воспринята и непартійными объединеніями. На послѣдней партійной Московской конференціи въ маѣ резолюція о вѣрности союзникамъ была вновь принята единодушно. Послѣ конференціи послѣдовалъ разгромъ Центральнаго и Московскаго Городского Комитетовъ партіи, и до 70 человѣкъ было арестовано, очевидно съ одобренія нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ этихъ товарищей нашихъ до сихъ поръ томятся въ тюрьмѣ. Затѣмъ наступило кошмарное лѣто, въ теченіе котораго въ нашей средѣ произведенъ былъ еще рядъ обысковъ и арестовъ. У меня лично было произведено три обыска и я еще разъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ родственниками и прислугой.

Что же мы дѣлали въ Москвѣ и почему сидѣли тамъ все лѣто, подвергаясь очевидному риску? Когда въ серединѣ октября я, наконецъ, пріѣхалъ въ Кіевъ, одинъ изъ моихъ политическихъ друзей задалъ мнѣ этотъ вопросъ, сказавъ что „вы тамъ лишены были возможности заниматься реальной политикой, а реальное дѣло дѣлали мы здѣсь, на Украинѣ". Исторія покажетъ, кто на самомъ дѣлѣ велъ болѣе реальную политику. Мы считали, что дѣлаемъ большое національное дѣло, и *„Московское сидѣніе"*, думается, займетъ должное мѣсто въ исторіи нашей партіи.

Изгнанные изъ дачъ и имѣній, мы должны были все лѣто изъ-за опасеніи ареста и разстрѣла, вести въ Москвѣ кочевую жизнь, въ поискахъ ночлега, безъ прописки, опасаясь доноса швейцаровъ и дворниковъ, постоянно мѣняя мѣстожительство. Собиралось 2—3 раза въ нидѣлю лишь бюро Центральнаго Комитета, человѣкъ 5—6, все лѣто по разнымъ душнымъ квартиркамъ на окраинахъ при такихъ же обстоятельствъ. Напримѣръ, разъ мы собрались тамъ, гдѣ я поселился, но утромъ приходили какихъ-то два подозрительныхъ господина. Мы принуждены были перебраться въ другое мѣсто, а я переѣхалъ. И въ ту же ночь красно-армейцы изъ „чрезвычайки" произвели обыскъ, разыскивая меня, но меня уже не нашли. Впослѣдствіи пленарный Центральный Комитетъ партіи съ пріѣхавшими петроградцами могъ собраться только три дня спустя назначеннаго срока, такъ какъ большевики узнали о предполагаемомъ засѣданіи. Московскій Центральный Комитетъ могъ собраться за все лѣто всего лишь одинъ разъ, и разъ—пленарный Ц. К.

Москва изнемогала подъ большевистскимъ гнетомъ. Германская оріентація дѣлала огромные успѣхи. Со всѣхъ сторонъ, и даже изъ нѣдръ партіи, насъ упрекали въ утопичности, въ нереальности нашей позиціи, требовали призыва нами нѣмцевъ для введенія порядка и охраны имущества. Въ то же время кіевскіе наши товарищи, разобщенные съ нами, учредили автономный Главный Комитетъ партіи на Украинѣ и повели свою линію, не соотвѣтствовавшую тактикѣ, принятой партіей. Но еще болѣе насъ смутилъ отходъ отъ нашей тактики виднѣйшихъ нашихъ товарищей по Центральному Комитету, ошибка которыхъ заключалась въ томъ, что они, находясь на Югѣ Россіи, болѣе полугода не сообщались съ партіей чрезъ бывшія оказіи, и, будучи хуже насъ информированы, повели индивидуальную политику съ креномъ на нѣмцевъ. Стали говорить и писать, что кадеты перемѣнили оріентацію на нѣмецкую. Партіи грозилъ расколъ, а, можетъ быть, и гибель, такъ какъ послѣ пережитыхъ страной войны и революціи всѣ отдѣлы партійной программы подлежали пересмотру и, при отходѣ программныхъ вопросовъ при данныхъ условіяхъ на второй планъ, мы могли быть крѣпко связаны лишь тактикой, ближайшей платформой партіи.

И „Московскимъ сидѣніемъ" мы спасли партію. Центральный Комитетъ въ Москвѣ, его пертоградское отдѣленіе, а затѣмъ въ іюлѣ и

пленарный Ц. К. въ Москвѣ единодушно вновь высказались, несмотря на внѣшній и отчасти партійный натискъ, за союзническую оріентацію. Расхожденіе съ цѣлыми группами и съ виднѣйшими отдѣльными нашими товарищами сильно насъ смущало. Да, смущеніе было, но *смятенія—ни минуты* и партія какъ таковая, стойко выдержала искусъ. Ввиду отсутствія печати и нелегальнаго нашего положенія, слухи о перемѣнѣ оріентаціи партіи распространились и въ провинцію. Къ намъ начали пріѣзжать смущенные партійные товарищи спеціально, чтобъ выяснить положеніе, и, узнавъ о твердой и неизмѣнной позиціи партіи, съ облегченіемъ уѣзжали. По возможности личными и письменными сношеніями мы возстановили и въ провинціи стройность нашихъ рядовъ, что при большевистскомъ гнетѣ и успѣхахъ Германіи на Западѣ было нелегко. Лишь въ октябрѣ, когда Германія дрогнула, наша линія вполнѣ оправдалась и вопросъ о нѣмецкой оріентаціи потерялъ свою остроту и опасность, мы покинули Совдепію и всѣ безъ исключенія активные члены Ц. К. не безъ труда и приключеній выѣхали въ мѣста, куда политическая жизнь стала переплзаться изъ изолированной, голодающей и замирающей Москвы. Разумѣется, и выбраться изъ Москвы весной или лѣтомъ было бы легче и жить гдѣнибудь въ крыму или Кіевѣ было бы безопаснѣй, беззаботнѣй и сытнѣй...

А въ теченіе лѣта натискъ на насъ германофиловъ все усиливался. Тогда какъ нѣкоторые правые дворянскіе круги Москвы (Самарины, гр. Шереметевы и другіе) были противъ измѣны союзникамъ, другія лица, преимущественно изъ бюрократическихъ петроградскихъ сферъ, поражали своей политической безпринципностью и отсутствіемъ всякаго чувства національнаго достоинства. Укажу, изъ многихъ, на нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ серединѣ лѣта кн. N разсказывалъ мнѣ, пріѣхавъ прямо отъ гр. Мирбаха, какъ онъ его умолялъ направить въ Москву хоть одинъ германскій корпусъ, чтобъ прогнать большевиковъ. Гр. Мирбахъ отвѣчалъ ему, что ежедневно къ нему съ такой же просьбой обращается нѣсколько человѣкъ. „Вы, правые, умѣете только просить, но за вами никто не стоитъ. Организуйте сначала въ этомъ направленіи общественное мнѣніе. А русское общественное мнѣніе пока противъ насъ“—и онъ указалъ ему на нашу кадетскую резолюцію. „Вотъ если бы кадеты насъ звали,—другое дѣло, а то кого мы теперь будемъ освобождать?“ И кн. N горько упрекалъ насъ въ томъ, что мы губимъ Россію, упорствуя въ нашемъ доктринерствѣ, и не выклянчиваемъ помощи у враговъ Россіи. Членъ Гос. Совѣта гр. Х. въ обывательской растерянности и отсутствіи чувства національнаго достоинства шелъ еще далѣе. „Пусть, говорилъ онъ, нѣмцы, освободивъ насъ отъ большевиковъ, превратятъ Россію лѣтъ на 50 въ германскую провинцію. Какое благоденствіе наступитъ у насъ! Они покроютъ Россію сѣтью шоссе и желѣзныхъ дорогъ...“ и т. д. и т. д. Въ другой разъ, но еще лѣтомъ, въ многолюдной политической бесѣдѣ онъ набросился на меня съ неистовыми упреками, что мы, к.-д., —худшіе враги Россіи (тоже „враги народа“?!), что, если бы мы не упорствовали, Мирбахъ уже давно привелъ бы войска и прогналъ бы большевиковъ и т. д. Я спокойно возразилъ ему, что по моральнымъ соображеніямъ мы не хотимъ измѣнять союзникамъ, хотя въ международной политикѣ моральныя соображенія еще не играютъ пока надлежащей роли; но и по соображеніямъ чисто практическимъ, по даннымъ стратегическаго, политическаго и экономическаго характера, мы убѣжденно стоимъ на союзнической оріентаціи, имѣя въ виду будущій мирный конгресъ и неминуемый разгромъ германскаго милитаризма. Присутствовавшая при спорѣ дама потомъ пожала мнѣ руку и сказала, что ея покойный отецъ былъ бы всецѣло на моей сторонѣ. Это была

графиня Милютина, дочь военнаго министра, который еще при Александрѣ II предвидѣлъ пагубность для Россіи германофильской политики.

Правые бюрократы съ нѣмецкой оріентаціей, войдя въ непосредственные переговоры съ нѣмцами, погубили тѣмъ и межпартійное объединеніе—Правый Центръ, изъ котораго вслѣдствіе этого мы должны были съ нѣкоторыми группами выйти и образовать Національный Центръ. Главная партійная работа наша и состояла именно въ образованіи широкаго межпартійнаго общественнаго политическаго фронта, долженствующаго подпереть противобольшевистскую военную силу, дать точку приложенія союзнической помощи и способствовать образованію русской государственности. Объ участіи нашемъ съ этой цѣлью въ Союзѣ Возрожденія и объ организаціи Національнаго Центра стоитъ поговорить особо. Это надпартійное дѣло партія народной свободы и считала въ теченіе всего года своимъ главнымъ національнымъ заданіемъ и ему преимущественно посвятила свои силы.

Екатеринодаръ, 20 дек. 1918 г.

Національный центръ.

Избѣжавъ лѣтомъ раскола по важнѣйшему тактическому вопросу объ оріентаціи, партія не безъ труда выровняла свой фронтъ. Въ то же время она работала въ Москвѣ надъ созданіемъ широкаго межпарійнаго политическаго фронта, столь необходимаго для подавленія большевизма, тѣмъ болѣе, что и союзники ставили непремѣннымъ условіемъ своей помощи созданіе таковаго фронта. Выйдя изъ Праваго Центра, когда въ право-монархическомъ крылѣ его обнаружились германо-фильскія теченія и *дѣйствія* остальные его элементы образовали Національный Центръ, въ которомъ к.-д. составляли лѣвый флангъ. Тѣ же персонально к.-д. входили и въ другое, лѣвое объединеніе—Союзъ возрожденія, составляя правое его крыло (к.-д., меньшевики, н.с., правые с-р.) Теперь члены Національнаго Центра, какъ и всѣ активные члены Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы, переѣхали изъ Москвы на югъ Россіи.

При посредствѣ кадетскаго соединительнаго звена оба объединенія въ вопросѣ о временной власти приняли слѣдующую согласительную платформу: директорія изъ трехъ лицъ, изъ которыхъ главнокомандующій предсѣдательствуетъ, и впослѣдствіи созывъ новаго учредительнаго собранія. Національный центръ, стоя за наиболѣе простую схему устройства власти, за единое лицо и для командованія и для управленія, пошелъ на уступку въ видѣ директоріи; Союзъ Возрожденія со своей стороны отказался отъ стараго учредительнаго собранія и отъ директоіи изъ пяти лицъ.

Впослѣдствіи соглашеніе это было нарушено въ Уфѣ тѣми самыми правыми с.-р. (Авксентьевъ и друг.), съ которыми мы пришли къ соглашенію въ Москвѣ; они же вошли тамъ въ директорію изъ пяти лицъ и пытаются, вѣроятно, тщетно, созвать старое учредительное собраніе. Разумѣется, ни Національный Центръ, ни въ частности партія К - Д. по существу съ этимъ согласиться не могутъ и отказываются считать по Вильгельмовски договоръ за клочокъ бумаги. (Если отдѣльные члены партіи на югѣ и высказывались за старое учредительное собраніе, то вопреки партійной директивѣ.) Къ созыву стараго учредительнаго собранія мы относимся отрицательно съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Да и съ точки зрѣнія идеи народоправства исключеніе изъ него около половины его членовъ—большевиковъ не выдерживаетъ критики. Нарушеніе договора произошло не по нашей винѣ, и если

бы наиболѣе государственные соціалисты дорожа объединеніемъ и широтой фронта, вновь пожелали вступить въ контактъ съ Националь-Центромъ, то они должны были бы категорически отказаться отъ Уфы и снова исходить изъ Московскаго соглашенія. Такое болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ соглашенію и уфимскіе эксперменты не могли не ослабить не только политическаго, но и стратегическаго восточнаго фронта и не привести къ диктататурѣ. Къ счастью, адмиралъ Колчакъ, по слухамъ,—человѣкъ подходящій для этой роли, твердый, ставящій національное дѣло спасенія Россіи выше своей личной карьеры. Но на почвѣ такого политическаго разнобоя могутъ возникать и самыя отрицательныя авантюристическія карьеры.

Ввиду изложеннаго партія Народной Свободы, считая теперь надпартійное единеніе главной своей національной задачей, можетъ призывать широкія слои общества къ содѣйствію заданіямъ и работѣ именно Національнаго Центра. Общее заданіе его состоитъ во всемѣрномъ содѣйствіи Добровольческой Арміи въ подавленіи большевизма и въ установленіи гражданственности въ отвоеванныхъ областяхъ. Работа, о которой будетъ сказано особо, огромна, причемъ требуется какъ интеллигентскій, такъ и физическій трудъ; есть дѣло и подросткамъ, особенно же важно привлеченіе женщинъ къ дѣлу пропаганды.

Теперь дѣло не въ партійныхъ программахъ, но организованность партій, умѣющихъ въ нужныя минуты стать на надпартійную высоту необходима. Неправы потому тѣ, которые по несознательности или вслѣдствіе аполитичности и лѣни говорятъ, что партійная работа теперь не нужна. По московской работѣ партіи мы видимъ, какой это могучій рычагъ для національнаго межпартійнаго объединенія; мы видимъ это по отзыву о партіи Мирбаха, по отношенію къ ней нашихъ политическихъ противниковъ справа и слѣва, по ругани германофиловъ, по надеждамъ, на нее возлагавшимся. Мы призываемъ товарищей по партіи къ востановленію и организованности *всѣхъ партійныхъ ячеекъ* и къ кипучей въ нихъ работѣ не для зазыванія въ свою лавочку, не для вербовки членовъ, а для сплоченія широкихъ круговъ общества въ надпартійной работѣ и для уясненія населенію національныхъ задачъ. При невозможности для партіи работать въ большей части Россіи, вялая работа партійныхъ комитетовъ въ частяхъ, освобожденныхъ отъ большевиковъ, представляетъ въ это критическое время гораздо большую для партіи опасность, чѣмъ всѣ расхожденія по программнымъ и тактическимъ вопросамъ. Они должны работать теперь за всю партію съ удесятеренной энергіей; иначе они покроютъ и себя и всю партію позоромъ.

Тылъ арміи, даже и героической, остается всегда тыломъ, со всѣми его отрицательными свойствами, съ обывальщиной, съ спекуляціей, до мародеровъ тыла и мародеровъ политики включительно. Личные корыстные интересы заглушають зачастую національныя задачи даже вблизи врага и при наличіи еще смертельной опасности. Долженъ быть общій порывъ. Должно всѣхъ призывать къ переходу изъ разряда обывателей въ разрядъ гражданъ. При обывательской апатіи ни героизмъ Добровольческой Арміи, ни доблесть Донцовъ и Кубанцевъ, ни помощь союзниковъ не сокрушатъ красную армію, а подавленіе большевизма, какъ зловреднаго теченія, совершенно уже непосильно одной вооруженной силѣ.

При неизбѣжной въ будущей Россіи децентрализаціи управленія увеличится политическое значеніе областей, а потому и *политическая роль Ростовскаго и Екатеринодарскаго областныхъ комитетовъ партіи* особенно отвѣтственна. Съ Дона и Кубани, обагренныхъ кровью Казаковъ и Добровольцевъ, суждено волею судебъ возродиться единой Россіи. Это обязываетъ всѣхъ здѣсь съ напря-

женнымъ усиліемъ носить тяжелые камни для закладки прочнаго фундамента подъ зданіе русской государственности.

Екатеринодаръ 30 дек. 1918 г.

Сомкнутыми рядами или вразбродъ?

Одинъ пойманный большевикъ очевидно не глупый, передъ своимъ повѣшеніемъ сказалъ: „Наша пѣсенка спѣта. Вы насъ побѣдите. Но и ваше дѣло далеко не выиграно. Какъ станете учреждать власть, такъ и перессоритесь между собой и перегрызетесь". Я боюсь по одесскому опыту и даже по нѣкоторымъ екатеринодарскимъ настроеніямъ, что этотъ большевикъ былъ дѣйствительно уменъ и, Боже упаси, прозорливъ.

Да не сбудется его пророчество!

А между тѣмъ горькіе опыты политической разобщенности вслѣдствіе неспособности нѣкоторыхъ и даже многихъ противниковъ большевизма на время отрѣшиться отъ партійныхъ лозунговъ во имя реальной платформы даннаго момента и господствующей надъ всѣмъ національной задачи очевидно для нѣкоторыхъ еще недостаточно убѣдительны. Какъ я уже писалъ ранѣе, политическая перспектива не всегда дается и убѣленнымъ сѣдинами политическимъ младенцамъ и они одинаково хватаются какъ за близкое, насущное, способное объединить широкія массы общества и народа, такъ и за декларативные въ данный моментъ пункты политическихъ программъ, что ведетъ къ пагубному разобщенію не только людей различныхъ политическихъ партій, но можетъ расчленить и сами партіи.

Въ безплодномъ выявленіи своего политическаго лица, политическіе дѣятели, лишенные государственнаго инстинкта и вовлеченные въ политическую борьбу, своимъ пристрастіемъ къ декларативнымъ программнымъ вопросамъ въ моментъ наибольшей необходимости широкаго объединенія подготовляютъ лишь ту грызню, которую предсказалъ злополучный большевикъ.

Надо твердо усвоить аксіому: въ настоящее время програмные вопросы ведутъ къ разобщенію, а объединеніе можетъ и должно быть достигнуто лишь на общихъ тактическихъ лозунгахъ ближайшаго времени. Не программы нужны, а временная платформа.

Въ рядѣ статей „Національная политика и партія Народной Свободы" я старался доказать, что партія въ своемъ цѣломъ всегда проводила національную политику и, какъ въ моментъ объявленія войны, такъ и въ эпоху большевизма, съумѣла стать на надпартійную высоту. Тѣ лишь партіи и могутъ считаться государственными, которыя способны въ моменты національныхъ потрясеній выставлять надпартійные лозунги, необходимые для спасенія государства, хотя бы они и противорѣчили програмнымъ требованіямъ мирнаго времени. И я всегда боролся и въ нѣдрахъ партіи и внѣ ея съ тѣми, которые недостаточно учитывали по моему „обстоятельства мѣста и времени".

Тѣмъ болѣе нецѣлесообразно въ межпартійныя формаціи последняго времени вводить обязательные для всѣхъ ихъ членовъ пункты програмно-декаративнаго характера и національный центръ совершенно правильно предоставилъ по таковымъ пунктамъ своей программмы извѣстную свободу мнѣній и сужденій для своихъ членовъ.

Въ газетахъ сообщалось, что въ Омскѣ осуществленъ блокъ Союза Возрожденія, к.-д., кооператоровъ, торгово-промышленныхъ и другихъ группъ.

Когда я уже кончалъ эту статью, я прочелъ письмо полученное изъ одного изъ губернскихъ городовъ Совдепіи отъ нашихъ дру-

зей, изъ котораго видно, что и они не только считаютъ необходимымъ, но и осуществляютъ уже широкій политическій фронтъ, объединяясь на тактической платформѣ.

Они категорически заявляютъ о необходимости соглашенія справа на лѣво на одной временной платформѣ и говорятъ, что такое соглашеніе у нихъ уже состоялось между союзомъ Возрожденія, Націон. Центромъ и Группой Общественныхъ Дѣятелей, а черезъ нея направо съ монархистами—конституціоналистами, причемъ они признали, что при всѣхъ программныхъ различіямъ всѣ здоровые патріотическіе элементы должны объединяться на ближайшихъ тактическихъ задачахъ. Они полагаютъ, что между этими группами могутъ быть разногласія по вопросу о той власти, которая эти задачи осуществитъ, но какова бы она ни была въ настоящій моментъ, если она обладаетъ достаточной мощью, чтобъ освободить Россію отъ большевиковъ и возстановить ея государственное единство,—она должна быть признана всѣми.

Въ то же время по вопросамъ грядущаго соціальнаго и политическаскаго бытія Россіи отдѣльныя группы и партіи остаются каждая при своихъ убѣжденіяхъ. Въ заключеніе друзья мои пишутъ, что демократическіе круги, примыкающіе къ Нар. Соц. солидарны съ нями и по ихъ мнѣнію мы будемъ безсильны и для нихъ непонятны, если не объединимся. Они предлагаютъ намъ устыдить тѣхъ политическихъ дѣятелей и тѣ партіи, которыя дѣйствуютъ иначе. Будучи разобщены съ Москвой и съ югомъ и плохо информированы, они съ тревогой спрашиваютъ о нашихъ и московскихъ настроеніяхъ.

Что мы имъ отвѣтимъ относительно юга? Относительно двухъ политическихъ организацій, въ которыхъ я состою здѣсь,—партіи Народной Свободы и Національнаго Центра, я счастливъ удостовѣрить, что и они, отнюдь не стремясь къ программному соглашательству съ другими группами, стоятъ за широкій политическій фронтъ и за согласованность дѣйствій противобольшевистскихъ политическихъ группъ. Пусть надъ этимъ задумаются и другія здѣшнія политическія организаціи.

Съумѣемъ ли мы на югѣ послѣдовать совѣтамъ нашихъ друзей въ Совдепіи и Омскимъ примѣрамъ или пойдемъ уже теперь путемъ, предсказаннымъ повѣшеннымъ большевикомъ?

Мы должны съумѣть и съумѣемъ сговориться.

Порывъ или постоянство?

Въ одной изъ предъидущихъ статей разсуждая о настроеніяхъ и нестроеніяхъ тыла я говорилъ, что для спасенія родины требуется общій національный порывъ. Къ этому же порыву постоянно призываютъ журналисты и ораторы, а порыва все что-то незамѣтно. Напротивъ, зачастую въ тылу царятъ апатія и малодушіе. Если и былъ еще замѣтенъ національный порывъ въ широкихъ слояхъ общества, то лишь при объявленіи войны и въ первый ея періодъ. И теперь я признаю, что призывать къ длительному порыву безплодно и ошибочно. Порывъ не можетъ быть длителенъ. А Россія попала въ длительную бѣду; уже пятый годъ истощенное тѣло ея истекаетъ кровью и потрясается страшными пароксизмами. Не къ порывамъ, а къ постоянству, упорству и систематичности въ трудѣ надъ національнымъ дѣломъ возсозданія Россіи слѣдуетъ призывать. Если мы, славяне, къ порывамъ и способны, то этими качествами труда мы отнюдь не отличаемся. И небывалая длительная бѣда хоть немного должна насъ пріучить къ этимъ свойствамъ общественной работы.

Если имѣть въ виду, что общество обязано не только посильно помогать арміи, сражающейся съ разрушителями Россіи, но и бороться съ большевизмомъ, какъ съ глубоко внѣдреннымъ ядомъ и врачевать тылъ отъ произведенныхъ имъ разрушеній, то стаиетъ ясно, что работа найдется всякому. При длительности кризиса не надо задаваться очень большимъ, но пусть каждый ежедневно отъ своихъ личныхъ дѣлъ удѣлитъ хоть часъ общественно-государственному дѣлу. Для снабженія и обслуживанія арміи, лазаретовъ и бѣженцевъ много есть работы и для женщинъ. Онѣ же могутъ быть очень полезны въ дѣлѣ пропаганды. При правильной организаціи и при наличности инициативы найдется дѣло и подросткамъ и гимназистамъ, которые могутъ удѣлить ежедневно полъ часа—часъ дѣлу спасенія Родины. Лишь бы работа велась упорно, систематично, изо дня въ день.

Въ дѣлѣ пропаганды задачъ Добровольческой Арміи и разоблаченія большевизма, казалось бы, обществу надлежало бы проявить не только значительную энергію, но и иниціативу.

Каждый большой городъ долженъ бы организовать въ соотвѣтствующей губерніи или области, отвоеванной у большевиковъ, такую пропаганду. Но, къ сожалѣнію, русскія общественныя и политическія организаціи, не исключая к.-д., оказались въ этомъ отношеніи несостоятельными. Какъ и прежде не общественные элементы старались все валить на правительство, такъ и теперь рады все валить на командованіе Добровольческой Арміи. На создающуюся лишь при ней правительственную власть, на зачатокъ ея, возлагаютъ обязанность организовать и пропаганду въ широкомъ масштабѣ не потрудившись надъ созданіемъ ея хоть въ своемъ городѣ, въ своей губерніи. Общественность въ этомъ отношеніи показала свою импотентность.

Къ счастью, командованіе Добровольческой Арміи взяло иниціативу и этого дѣла на себя, и не его слѣдуетъ винить, что столько времени упущено. Не мало уже сдѣлано Освѣдомительнымъ Бюро; для болѣе широкой пропаганды учреждается особое вѣдомство. Приступлено къ составленію руководствъ для пропагандистовъ, печатаются брошюры, листки.

Не сумѣвъ взять въ свои руки иниціативу этого дѣла, хотя бы въ мѣстномъ масштабѣ, общество и государственныя партіи, получая теперь соотвѣтствующій матеріалъ и руководство отъ Добровольческой Арміи, обязаны прійти ей на помощь путемъ разсылки и развоза соотвѣтствующаго матеріала и путемъ устной пропаганды повсюду, даже въ глубокомъ тылу, такъ какъ микробы большевизма и анархіи заложены повсюду и при малѣйшемъ измѣненіи обстоятельствъ эпидемія можетъ вновь вспыхнуть.

Я остановился на пропагандѣ, какъ на дѣлѣ наиболѣе, казалось бы, подходящемъ для общественныхъ силъ, но помощь людямъ, жертвующимъ для общаго нашего дѣла своей жизнью и здоровьемъ, можетъ быть очень разнообразна. Для этого отъ каждаго „гражданина" требуется изо-дня-въ-день хоть маленькая доза труда, но труда упорнаго, постояннаго. И изъ этихъ мелкихъ слагаемыхъ получится великая коллективная сила.

Не порывъ вѣтра пригонитъ мореплавателя къ желанному берегу, а всего надежнѣе для него и вѣрнѣе хоть и не сильный, но ровный, постоянный вѣтеръ.

И къ столь желанному всѣми нами берегу русской государственности можетъ насъ провести лишь постоянство въ общей работѣ надъ возсозданіемъ Россіи.

Перестанемъ призывать другъ друга къ великимъ порывамъ; будемъ хоть немного, но упорно работать надъ скромными заданіями и тогда мы сдѣлаемъ великое дѣло. Екатеринодаръ 29 янв. 1919 г.

Партійная этика.

Сегодня въ Екатеринодарѣ открывалось совѣщаніе членовъ партіи Народной Свободы юго—востока Россіи. Правомочнаго съѣзда при теперешнихъ обстоятельствахъ нельзя было созвать. Но если успѣютъ пріѣхать члены партіи изъ недавно занятыхъ мѣстностей (Харьковъ, Царицынъ, Екатеринославъ, Крымъ), то совѣщаніе будетъ болѣе внушительнымъ, чѣмъ первоначально ожидалось, и постановленія его будутъ несомнѣнно имѣть большое для партіи значеніе.

Главная цѣль совѣщанія—предохранить элементы партіи отъ распыленія, что неминуемо при вынужденной долгой разобщенности партійныхъ организацій, и возсоздать дѣятельность партійныхъ ячеекъ. Партійныя организаціи на мѣстахъ необходимы, какъ для чисто партійной дѣятельности при предстоящихъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ государственныхъ выборахъ, такъ и для государственно—національной надпартійной работы въ настоящее время и, повидимому, еще очень продолжительное время до выборовъ въ учредительное собраніе. Совѣщанію будутъ представлены центральнымъ комитетомъ исключительно тактическіе доклады, но отнюдь не программные.

Рѣшать программные вопросы совѣщаніе и не правомочно, да и моментъ для нихъ не насталъ. Вопросы ближайшей тактики гораздо теперь важнѣе программныхъ, причемъ тактика и платформа партій можетъ не только не соотвѣтствовать партійной программѣ мирнаго времени, но неминуемо въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна идти вразрѣзъ съ ней. Къ тому же теперь еще рано дифференцироваться и разбиваться, совершенно необходимо сплачиваться и объединяться, какъ въ нѣдрахъ партіи, такъ и внѣ ея. А это можно только на тактическихъ вопросахъ, на общихъ лозунгахъ платформы, тогда какъ по программнымъ вопросамъ послѣ долгой разобщенности и послѣ всѣхъ переживаній—неминуемъ разнобой. Нѣтъ отдѣла программы, какъ политическаго, такъ и соціальнаго и экономическаго, который не подлежалъ бы теперь коренной переработкѣ, что можетъ сдѣлать только всероссійскій съѣздъ партіи. Многое изъ прежней программы, если и не будетъ вычеркнуто, то неизбѣжно перейдетъ на долгіе годы въ область идеалогіи партіи, значительно отличающейся отъ ея реальной программы.

Неминуемый въ будущемъ пересмотръ программы, различія мнѣній въ настоящій моментъ по существеннымъ пунктамъ программы послѣ пережитыхъ государствомъ потрясеній и предметныхъ уроковъ—насъ не страшитъ. Жизненная, реальная, партія не желающая быть безотвѣтственной, должна подвергаться эволюціи. Предоставимъ партійные незыблемыя футляры политическимъ догматикамъ. Таковыхъ партій и политиковъ у насъ не мало.

Но если нареканія на партію въ непостоянствѣ программы намъ не страшны, если разногласіе по программнымъ вопросамъ мы теперь считаемъ неизбѣжнымъ, если даже въ столь трудное время отдѣльныя тактическія ошибки партіи ей простятся, то чего же мы, какъ партія, должны бояться, что должны мы блюсти пуще всего?

Страшить насъ должно партійное доктринерство. Партійность въ политической жизни неизбѣжна, сколько ни кричать объ обратномъ наивные патріоты—индивидуалисты. Но только тѣ партіи цѣлесообразны, которыя не отрекаясь отъ своей программы, въ тоже время въ періодъ національныхъ потрясеній въ своей тактикѣ этими программами не связываются и умѣютъ стать на надпартійную, національную высоту. Въ рядѣ статей—„Національная политика и партія Нар. Своб.“ я до-

казывалъ, что наша партія въ ея цѣломъ всегда была именно національной партіей.

Пуще всего блюсти мы должны—чистоту партіи, партійную этику. Пусть часть членовъ ея, уклоняясь отъ активной государственной и политической жизни, занимаются исключительно своими дѣлами. Въ большой партіи присутствіе обывателя неизбѣжно.—Пусть даже часть болѣе малодушныхъ изъ активныхъ работниковъ подъ вліяніемъ личныхъ и семейныхъ переживаній въ это тяжелое для всѣхъ и грозное для государства время „дезертируетъ“ съ общественнаго поприща, оставаясь въ партіи. Для партіи это еще не бѣда; для нихъ же лично это экзаменъ государственности и гражданства. Теперешнее время,—какъ реактивъ, какъ лакмусовая бумажка. Кто въ эту критическую минуту общественное дѣло промѣнялъ на личное, а изъ за дороговизны подметокъ и колбасы и отсутствія привычнаго комфорта не удосужился поработать надъ возсозданіемъ родины, тотъ уже навсегда будетъ атрофированъ какъ общественный и политическій работникъ.

Но кого партія не должна терпѣть въ своей средѣ—это тѣхъ обывателей и тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые въ это время думаютъ и работаютъ надъ быстрымъ обогащеніемъ. Торговля и промышленность—почтенное занятіе и надо привѣтствовать ихъ возрожденіе, какъ одного изъ элементовъ государственнаго строительства. Мы выросли изъ ребяческаго народническо-соціалистическаго взгляда на всѣхъ торговцевъ и промышленниковъ, а также и на всѣхъ помѣщиковъ, какъ на эксплоататаровъ. Мы въ партіи дорожимъ нашими сочленами изъ торгово-промышленной среды. Но въ переживаемое время надо особенно щепетильно относиться къ грани между законной торговлей и спекуляціей. Спекулянтовъ въ партіи не должно быть, а если и встрѣтятся отдѣльные члены партіи, увлекшіеся спекуляціей, то мы, лишенные теперь способовъ принудительнаго ихъ устраненія, должны имъ вынести огульно моральное порицаніе и заявить, что мы ихъ не считаемъ своими товарищами по партіи. Мы обязаны въ чистотѣ довести партію до Учредительнаго Собранія и присутствіе въ ней такихъ членовъ гораздо болѣе ей повредитъ, чѣмъ всѣ программныя разногласія или тактическія ошибки.

Переживаемая эпоха—эпоха переоцѣнки цѣнностей, эпоха великой смуты, великихъ порывовъ и жертвъ, великаго соблазна и великой подлости. Естественный въ Совдепіи кличъ—„спасайся кто можетъ“! превращается въ тылу добровольной арміи въ призывъ—„обогащайся кто можетъ“! Это паскудный призывъ—обобрать остатки недорасхищеннаго большевиками частнаго и государственнаго достоянія. Съ этимъ явленіемъ партійные органы обязаны бороться, какъ съ общественнымъ зломъ. Но для этого прежде всего надо блюсти чистоту самой партіи.

Екатеринодаръ 29 іюня 1919 г.

Годъ тому назадъ.

Послѣ зимы, когда были убиты Кокошкинъ и Шингаревъ и многіе изъ насъ мѣсяцами сидѣли въ тюрьмахъ, наступило кошмарное лѣто. Въ маѣ 18 года въ клубѣ партіи Народн. Свободы въ Москвѣ было арестовано свыше 60 членовъ Центральнаго и Городского Комитетовъ партіи и нѣкоторые изъ нихъ были выпущены изъ тюрьмы только въ серединѣ минувшей зимы. Жизнь партіи ушла въ подполье. Мы всѣ, члены Ц. К., значились въ большевистско-нѣмецкихъ проскрипціонныхъ спискахъ. У насъ на квартирахъ производились постоянные обыски, забиралась переписка, устраивались засады и еще нѣсколько человѣкъ было арестовано. Мы ютились по чужимъ квартирамъ, въ каморкахъ, безъ прописки, боясь подвести пріютившихъ насъ друзей и домовые комитеты, и постоянно мѣняя потому квартиры. Не

многочисленный Ц. К. собирался нѣсколько разъ въ недѣлю въ маленькихъ душныхъ комнатахъ на различныхъ окраинахъ города. Иногда, собравшись въ одномъ мѣстѣ, приходилось перекочевывать въ другое, когда были признаки того, что мы выслѣжены. Лишь поздней осенью, когда была твердо установлена въ партіи противонѣмецкая, національная линія и закончена необходимая партійная и надпартійная работа, Ц. К. переѣхалъ въ Кіевъ. Послѣднее пленарное засѣданіе съ пріѣздомъ петроградцевъ, состоялось въ концѣ іюня и потомъ вотъ уже скоро годъ, мы были лишены возможности таковой собрать. И это засѣданіе мы должны были отложить на два дня и перенести въ другое мѣсто, потому что наша контрразвѣдка предупредила, что большевики какъ то узнали о нашемъ засѣданіи. Незадолго передъ этимъ засѣданіемъ, подтвердился слухъ объ убійствѣ 3 іюля Государя. Открывая его, я сказалъ по этому поводу слѣдующую рѣчь:

„Хотя мы стѣснены временемъ и условіями нашей работы, я считаю себя обязаннымъ въ самымъ началѣ засѣданія посвятить нѣсколько словъ подтвердившемуся слуху объ убійствѣ бывшаго Государя. Мы во многомъ не сочувствовали его способу управленія Россіей, наша партія была въ оппозиціи къ назначаемымъ имъ правительствамъ и за это мы преслѣдовались, какъ нелегальная организація. Но совершенно независимо отъ нашего къ нему отношенія, какъ къ человѣку и монарху, независимо отъ того, республиканцы мы или монархисты, мы, друзья Шингарева и Кокошкина, и по человѣчности не можемъ не ужаснуться этого звѣрскаго умерщвленія беззащитнаго узника и его семьи, а равно и съ политической и государственной точки зрѣнія, такъ какъ узурпаторами власти убитъ человѣкъ, бывшій до своего отреченія законнымъ носителемъ верховной власти въ Россіи. А потому эта новая всероссійская жертва выдѣляется изъ тысячъ жертвъ революціи и всѣ въ Россіи, не потерявшіе совѣсти и государственнаго разума, должны содрогнуться, узнавъ объ этомъ злодѣяніи. И мы, по формѣ и по существу стремившіеся быть „оппозиціей Его Величества", обязаны почтить сегодня память этого несчастнаго русскаго монарха".

Молчаливымъ вставаніемъ мы почтили память—Николая II.

Екатеринодаръ, 3 іюля 1919 г.

Памяти К. Л. Бардижа.

Вчера мы схоронили нашего дорогого друга и товарища по партіи и Государственной Думѣ.

Мы знали его въ холодномъ Петербургѣ во всѣхъ четырехъ Думахъ бодраго, энергичнаго, полнаго жизни, а на благодатной Кубани вчера намъ пришлось встрѣчать бездыханный прахъ его и его двухъ сыновей, павшихъ смертью храбрыхъ за родную Кубань, за великую Россію.

Доблестное кубанское казачество можетъ гордиться этими достойными своими сынами.

Вчера здѣсь былъ чудный солнечный, теплый день, было ясное голубое небо. А у насъ въ Москвѣ теперь суровая зима, мрачно и холодно. Но засіяетъ солнце и надъ Москвой! Жертвы подобныя Бардижамъ не должны быть напрасны! *Онѣ обязываютъ.* Онѣ обязываютъ всѣхъ насъ отложить споры и пререканія изъ—за мѣстныхъ и личныхъ интересовъ и дружно сплотиться, чтобъ всѣмъ намъ не погибнуть и не погубить нашу Родину. Къ этому призываетъ насъ славная смерть Бардижа и его сыновей, о которыхъ, какъ Кубань, такъ и вся Россія сохранятъ благодарную вѣчную память.

Екатеринодаръ, декабрь 1918 г.

